УДК 343.1
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-180-184

Конвергенция международных стандартов разумности срока содержания под стражей в национальное законодательство

Гилязов А.И.
Соискатель кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета, адвокат

Реформирование уголовного судопроизводства, осуществляемое параллельно с дифференциацией его форм, предполагает стремление к расширению начал гуманности и справедливости, в том числе при решении вопроса о разумном сроке производства по уголовному делу, особенно, когда речь идет о заключении под стражу. Суд должен всесторонне проверить законность и обоснованность принятия такого решения, а также соотнести продолжительность ее действия с требованием разумного срока судопроизводства не только с позиции отечественного законодательства, но и основополагающих норм и принципов международного права.

Цель исследования определена в важности и актуальности сопоставления правового регулирования и определения стандартов разумности как правовой и уголовно-процессуальной категории, особенно проявляющейся в исчислении сроков применения наиболее существенно ограничивающей свободу личности меры пресечения – заключение под стражу подозреваемого, обвиняемого.

Описание научной и практической значимости работы выражается в выявлении основных причин и обосновании логичности разумности срока уголовного судопроизводства как самостоятельной правовой категории, имеющей статус принципа уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Реализация этого принципа рассматривается в проекции смешанной формы российского уголовного судопроизводства (розыскной в досудебном производстве и смешанной в судебном). В этой связи представлен анализ ряда судебных решений, имеющих ключевое значение для эффективного применения положений о принципе разумности заключения под стражу.

Проведенное сопоставление правовых положений позволяет уяснить проблемы определения разумности срока содержания под стражей и предложить пути их устранения в правоприменительной практике.

Ценность проведенного исследования выражается в сопоставительном анализе ряда основных международных документов, содержащих правовые основы разумности производства по уголовному делу с позиций соблюдения законности и обоснованности при избрании или продлении заключения под стражей.

Ключевые слова: *заключение под стражу, меры пресечения, разумность срока, судебный контроль, место жительства, место пребывания*

Для цитирования: *Гилязов А.И. Конвергенция международных стандартов разумности срока содержания под стражей в национальное законодательство // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 180–184. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-3-180-184.*

Свобода и неприкосновенность личности являются одними из основополагающих состояний, отражающих правовое положение личности, в основу которого заложены прогрессивные идеи международного права, экстраполируемые на национальные законодательства. На влияние норм международного права на национальное уголовно-процессуальное законодательство [1; 2], а также позитивный опыт зарубежных стран обращалось внимание в литературе [3; 4].

Гуманизация уголовного процесса России, осуществляемая параллельно с дифференциацией его форм, обеспечением возможности для обвиняемого и потерпевшего при определенных обстоятельствах своим волеизъявлением определять порядок производства по отдельной категории дел, влиять на его результат (например, при примирении), в оптимальном правовом режиме согласуется с идеей разумного срока в уголовном деле. Результатом этой правовой идеи стало дополнение гл. 2 УПК РФ новым принципом (ст. 6.1) [5].

Ст. 6.1 УПК РФ не только предписывает осуществлять судопроизводство в разумный срок, но и констатирует, что сроки этого производства устанавливаются Кодексом, а также указывает на время начала и окончания указанных сроков и обстоятельства, учитываемые при их определении.

Проблемы разумности обладают особой важностью, поскольку эти меры ограничивают наиболее значимые конституционные права и свободы личности. К примеру, в «Правилах Нельсона Манделы», измененный текст которых принят ООН 17 декабря 2015 г. [6], сделан особый акцент на том, что заключение лица под стражу существенно ограничивает его свободу и причиняет страдания (Правило 3). В этой связи существенно возрастает роль суда [7, с. 3].

Смешанная модель российского уголовного судопроизводства, предполагающая розыскной (инквизиционный) характер предварительного расследования и состязательное судебное рассмотрение дела при проактивной роли суда, играет определяющую роль в уголовной политике, поскольку «следственному и состязательному типу процесса соответствуют принципиально разные модели механизма применения мер пресечения» [8, с. 22–23].

Инквизиционный характер досудебной стадии уголовного судопроизводства в определенной степени сдерживается судебным порядком избрания меры пресечения, в котором должны учитываться общие основания принятия соответствующего решения.

При отсутствии приведенных оснований в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо в продлении срока содержания под стражей может быть отказано. К примеру, апелляционным постановлением Московского городского суда от 02.03.2022 г. по делу № 10-3922/2022 признано законным постановление Тверского районного суда от 15.10.2021 г., которым отказано в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Старцеву Юрию Николаевичу, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, так как судом не установлены основания для избрания данной меры пресечения (личность обвиняемого установлена; представленные материалы дела не подтверждают утверждения следователя о том, что обвиняемый мог скрыться или по другим причинам вел себя ненадлежащим образом, суду представлено не было) [9].

В случае если оснований недостаточно для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, суд апелляционной инстанции отменяет соответствующее решение нижестоящего суда. В качестве примера можно привести апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.03.2020 г. по делу № 72-УД20-1, поскольку в постановлении об избрании меры пресечения не подтверждено конкретными доказательствами наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется или может препятствовать расследованию, оно было отменено [10].

Основным требованием выступает предписание о применении заключения под стражу, если обвинение предъявлено за совершение преступления, санкция которого устанавливает наказание на срок свыше трех лет лишения свободы при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Задержание и избрание несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому заключения под стражу, согласно ст. 423 УПК РФ, производится в особом правовом порядке, предусмотренном ст.ст. 91, 97, 100 и 108 УПК РФ при обязательном решении вопроса о возможности отдачи его под присмотр родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц.

Приведенные законодательные положения в оптимальном правовом режиме соотносятся с положениями Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинскими правилами) от 29.11.1985 г. [11]: содержание под стражей несовершеннолетних правонарушителей до суда применяется лишь в качестве крайней меры и в течение кратчайшего периода времени (п. 13.1), при этом оно должно по возможности заменяться другими альтернативными мерами (п. 13.2).

Конвенция от 20.11.1989 г. [12] зримо расширяет перечень требований, предъявляемых не только к процедуре и основаниям, но и сроку содержания под стражей «ребенка, который, как считается, нарушил уголовный закон», устанавливая, что ни один ребенок не должен быть лишен свободы незаконным или произвольным образом (п. «b» ст. 37).

Как полагаем, решение вопроса о разумности (неразумности) в этом вопросе должно основываться не только на характере осуществляемого уголовного преследования (количество эпизодов преступной деятельности, вменяемых обвиняемому и т.п., но и наличии физических или психических недостатков, семейного положения, наличия постоянного места работы, поведения после совершения преступления, положительной или отрицательной характеристики с места работы или учебы и т.п.), его отношения к расследуемому событию, а также специфики порядка производства по делу (общий, упрощенный).

Заключение под стражу возможно не только в отношении обвиняемого, но и подозреваемого, а также подсудимого (ч. 10 ст. 108, ч. 10 и 11 ст. 109 и ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Такое положение не противоречит нормам Конституции РФ (п. 1 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4-П) [13], что оказывает существенное влияние на определение границ разумного срока содержания под стражей.

Конституция РФ запрещает задержание подозреваемого на срок более 48 часов без судебного решения (ч. 2 ст. 22). Только суд вправе продлить срок задержания до 72 часов.

Применение к подозреваемому меры пресечения является исключением (ч. 1 ст. 100 УПК РФ), так как такая мера уголовно-процессуального принуждения по общему правилу может применяться только по отношению к обвиняемому (ч. 1 ст. 171 УПК РФ). Подобное состояние «оправдывается» отдельными авторами единством мер пресечения и мер уголовного наказания [14], хотя в реальности они представляют собой самостоятельные, институционально обособленные категории.

Примечательно, что разумный срок уголовного судопроизводства как правовая категория и законодательное требование имеет установленные законом границы, о чем указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 [15]. Также в данном Постановлении отмечается, что, если в досудебном производстве по делу не принято решение или итоговое судебное решение, не вступило в законную силу, то заявление о компенсации подозреваемым, обвиняемым может быть подано по истечении четырех лет с момента начала осуществления уголовного преследования (п. 18) [15]. Следовательно, именно этот срок надлежит считать разумным при производстве по уголовному делу. Вместе с тем это входит в противоречие с предельным сроком содержания под стражей, который может быть продлен лишь в исключительных случаях до 18 месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ).

Значение определения разумности заключения определяется также предписанием Федерального закона от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [16]: он определяет порядок и условия содержания (ст. 1).

Таким образом, можно сделать следующие теоретические выводы.

Во-первых, серьезной недоработкой законодателя является отсутствие в УПК РФ дефинитивной нормы, раскрывающей понятие заключения под стражу (для сравнения: в п. 11 ст. 5 Кодекса дается определение задержания подозреваемого, а в его ст. 106 – залога), в то время как эта мера пресечения является самой суровой в плане правоограничения.

Для устранения пробела в правовом регулировании заключения под стражу предлагаем дополнить ст. 108 УПК РФ ч. 15 следующего содержания: «15. Заключение под стражу состоит в пребывании лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, которому применена назначена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо ином органе, определяемом федеральным законом».

Такое предложение не нарушит нумерацию ее частей, поскольку при ином применении правил юридической техники (изложение дефиниции в начале статьи) оно неизбежно повлекло бы проблемы для правоприменения.

Во-вторых, установление «универсального» разумного срока производства по уголовному делу влияет на одноименные границы срока содержания под стражей, уравнивание которых для несовершеннолетних и взрослых подозреваемых, обвиняемых не может быть признано справедливым, гуманным. В этой связи считаем оправданным дополнение ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ указанием на сокращение разумного срока производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а именно: после фразы «что продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года», указать «а при производстве по делу в отношении несовершеннолетнего обвиняемого – три года», далее текст следует в действующей редакции.

В-третьих, с разумным сроком непосредственно связан институт приостановления производства по уголовному делу. И в данном контексте не совсем удачно звучит формулировка п. 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ – когда обвиняемый скрылся и его место пребывания неизвестно. Представляется, что более приемлемым термином в данном случае является «местонахождение». Ранее подобная мысль была озвучена в диссертационном исследовании Р.В. Орлова [17, с. 18], однако сама норма указана ошибочно – п. 2 ч. 1 ст. 238 УПК РФ (речь идет о тяжелом заболевании обвиняемого, подтвержденным медицинским заключением).

Место пребывания – это место, где гражданин проживает временно (отель, санаторий, дом отды-

ха, общежитие или арендованная квартира, дача). Местонахождение – собирательное понятие, под которое подпадает не только место пребывания, но и место жительства (жилое помещение, в котором гражданин постоянно или преимущественно проживает и в котором он зарегистрирован именно по месту жительства) и место фактического проживания. При этом юридическая констатация места пребывания и места жительства предполагает соответствующую регистрацию (ст. 2 Закона от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [18]). Отметим, что законодатель внес уточнения в ряд статей УПК РФ на основании Федерального закона от 28.02.2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», уточнив (заменив) словосочетание «место постоянного жительства» словами «место жительства или место пребывания» [19].

Своевременное приостановление производства по уголовному делу влияет на правильность констатации осуществления этого производства в разумный срок и в значительной степени служит фактором, определяющим возможность применения или продления срока содержания под стражей, а в перспективе при нарушении этих сроков – право на получение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок на основании Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [20].

В свете приведенных аргументов предлагаем внести изменения в пункт 1 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: «1) в случае, когда обвиняемый скрылся и его местонахождение неизвестно». Таким образом, предложенные законодательные нововведения способны оказать позитивное влияние на регламентацию разумного срока содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых, а также подсудимых в российском уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Гришина Е.П. реализация международных принципов и стандартов защиты детей-жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6 (85). С. 20–33.
2. Зайцев О.А., Абшилава Г.В. Конвергенция частного и публичного и ее проявление в уголовном судопроизводстве // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы. М., 2015. С. 350–361.
3. Епихин А.Ю. Институт безопасности участников уголовного процесса: сравнительный анализ законодательства зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 139–145.
4. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-тет, 2004. 164 с.
5. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.
6. The Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners, adopted by the First United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held at Geneva in 1955, and approved by the Economic and Social Council by its resolution 663 C (XXIV) of 31 July 1957 and 2076 (LXII) of 13 May 1977.
7. Муртазин Р.М. Применение мер пресечения в судебных стадиях уголовного процесса: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 24 с.
8. Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве: дисс. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 538 с.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.03.2022 г. по делу № 10-3922/2022. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/90635514/?*=v (дата обращения: 30.05.2025).
10. Павлова З. ВС указал, что тяжесть обвинения и опасения следствия – недостаточные основания для помещения под стражу. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ukazal-chto-tyazhest-obvineniya-i-opaseniya-sledstviya-nedostatochnye-osnovaniya-dlya-pomeshcheniya-pod-strazhu/ (дата обращения: 30.05.2025).
11. Минимальные стандартные правила Организации объединенных наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Документ опубликован не был // СПС Консультант Плюс.
12. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.
14. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск: ОмА МВД России, 2017. 226 с.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. 2016. № 72.
16. Федеральный закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ред. от 23.03.2024, с изм. от 09.07.2024) // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
17. Орлов Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 26 с.
18. Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (ред. от 22.06.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.
19. Федеральный закон от 28.02.2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 9. Ст. 842.
20. Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ред. от 05.12.2022) // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

Convergence of International Standards on the Reasonableness of Detention Into National Legislation

Gilyazov A.I.
Kazan Federal University

The reform of criminal proceedings, carried out in parallel with the differentiation of its forms, implies a desire to expand the principles of humanity and justice, including when deciding on a reasonable time for criminal proceedings, especially when it comes to detention. The court must comprehensively verify the legality and validity of such a decision, as well as correlate the duration of its validity with the requirement of a reasonable period of legal proceedings, not only from the perspective of domestic legislation, but also the fundamental norms and principles of international law.

The purpose of the study is determined by the importance and relevance of comparing legal regulation and the definition of standards of reasonableness as a legal and criminal procedural category, especially manifested in calculating the timing of the application of the most significantly restrictive measure of restraint – the detention of a suspect or accused.

The description of the scientific and practical significance of the work is expressed in identifying the main reasons and substantiating the logic of the reasonableness of the term of criminal proceedings as an independent legal category with the status of a principle of criminal proceedings (art. 6.1 of the Code of Criminal Procedure). The implementation of this principle is considered in the projection of a mixed form of Russian criminal proceedings (investigative in pre-trial proceedings and mixed in judicial proceedings). In this regard, an analysis of a number of court decisions is presented, which are of key importance for the effective application of the provisions on the principle of reasonableness of detention.

The conducted comparison of legal provisions makes it possible to clarify the problems of determining the reasonableness of the period of detention and suggest ways to eliminate them in law enforcement practice.

The value of the conducted research is expressed in a comparative analysis of a number of major international documents containing the legal basis for the reasonableness of criminal proceedings from the standpoint of legality and reasonableness in choosing or extending detention.

Keywords: detention, preventive measures, the intelligence of the term, judicial control, place of residence, place of stay